

Раздражало все! И какого черта я опять приперся в Париж? Глупая инерция. Что я рассчитывал тут найти? Просто Париж? Так это уже и не совсем Париж, скорее какой-то ближневосточный город с очертаниями Парижа. И этот тесный до изумления номер в казалось бы приличном отеле, эти завтраки, после которых ищешь, где бы перекусить... Но раз уж прилетел, надо отбыть повинность. Да, предрождественское убранство города скрашивает то, что кажется тут абсолютно чужеродным. А может, я просто постарел, может, дело не в Париже и мигрантах, а во мне? Да, возможно...

Много лет назад он тоже прилетел на Рождество в Париж, и тоже был взнервлен донельзя. И вдруг в витрине лавочки на Монмартре увидел картину, так, маленькую картинку, абсолютно реалистичную, зимний пейзаж. Она и называ-

лась «Зимний пейзаж со снегирем». Собственно, ничего особенного в этом пейзаже не было. Просто куст калины в заснеженном саду, красные ягоды, замерзшие на ветвях, и снегирь, клюющий эти ягоды. Сердце тогда так странно забилося... Это была картинка его детства. В саду родительского дома тоже было два куста калины, и там нередко появлялись снегири.

— Тима! — кричала мама. — Иди скорее, посмотри, какая красота!

И они вдвоем любовались этими дивными птицами. Он вошел тогда в лавку и буквально за гроши купил картинку.

— Кто автор? — спросил он у хозяина.

— Не знаю. Она подписана всего одной буквой А. Какой-то мужчина принес ее на продажу, но никто не покупал. А мне она нравится. Я, знаете ли, родом из России, мне она навевает какие-то воспоминания о том... чего не было... — грустно улыбнулся продавец.

С тех пор картина всегда висит в его квартире, и когда ему плохо, он смотрит на этого снегиря, и становится легче. Мамы давно нет на свете. А отец живехонек... Ему уже много лет, за семьдесят, но отношения порваны. Отец когда-то ушел от мамы, и Тимур не мог ему этого про-

стить тогда, тем более, что мама вскоре умерла. Она была настоящей восточной женщиной, в ее жилах текла горячая армянская кровь. И выросла она в армянской семье в Тбилиси, и менталитет у нее был соответствующий. На похоронах матери, куда отец все-таки пришел, Тимур сказал ему, что знать его не хочет. А через полгода он бросил все и уехал в Америку. Жизнь и молодой авантюризм швыряли его по разным странам, но прожив за океаном пять лет, он вдруг решил на Рождество полететь в Париж. Он тогда выиграл сумасшедшие деньги в казино, мог позволить себе в Париже многое, и позволил, и то Рождество было таким романтичным и прекрасным, что с тех пор он каждый год летал в Париж. Ну все, хватит, эта тема себя исчерпала!

Он замерз и зашел в первое попавшееся кафе. Заказал кофе и коньяк. Взгляд его упал на юную парочку. Они сидели вдвоем, смотрели только друг на друга сумасшедшими влюбленными глазами. Парнишке от силы лет двадцать, девочке и того меньше. Красивые, счастливые... малыши. Дай Бог счастья им. И пусть эта девочка не окажется такой же дешевой, какой оказалась Зойка, его первая любовь... Мальчик взял руку девочки, прижал к своей щеке... Надо надеять-

ся, девочка не сочтет это сексуальным домогательством. Нынче это модно. У парня зазвонил телефон.

— Алло, мама! — по-русски воскликнул он. — Все чудесно, нет, что ты, нисколько не жалею, да, мамочка, не волнуйся. Вика шлет тебе привет! Ладно, позвоню! Целую, мамочка.

У парнишки есть заботливая русская мама. А может и любящий папа, и у них, похоже, мир в семье...

И вдруг отчетливо в голове прозвучало: идиот, что ты строишь из себя обиженного в твои сорок четыре? У тебя есть отец, старый человек, и ты ведь не простишь себе, если он скоро умрет. Так нельзя! Надо, надо примириться или хотя бы попытаться это сделать! Он, конечно, не менее упертый, чем я, но... Да, надо попытаться! Бред какой-то! Вся моя жизнь — это бред... А с чем я заявлюсь к отцу? Чем могу похвастаться? Своим магазинчиком, торгующим моделями машинок в центре Нью-Йорка? Впрочем, у меня не один такой магазинчик, а четыре, в разных городах Америки, вполне успешный бизнес... Но вряд ли в глазах отца, ученого с мировым именем, это хоть что-то значит... В игрушки играешь на пятом десятке — наверняка скажет он. Всю

жизнь во что-то играешь... Не об этом для тебя мечтала мама! И что тут скажешь? Впрочем, я могу ему ответить, что не о такой семейной жизни она мечтала. Будем квиты. И что? Ничего. Ни-че-го! Так может и пытаться не стоит?

Нет, все-таки стоит. В конце концов, он мой отец... А впрочем, может, я совершенно не нужен ему? А вдруг нужен? Может, не я, а какая-то помощь, какие-то лекарства из Америки? Кто знает?

Он вытащил из кармана телефон. Позвоню сейчас же, а то могу и передумать. Вероятно, надо бы звонить на мобильный, но я не знаю его номера. Сегодня суббота, позвоню на дачу, он любил на выходные ездить на дачу, а возможно, он уже на пенсии и постоянно живет на даче. Трубку долго не брали, потом ответил женский голос:

— Алло! Алло! Говорите!

Ага, судя по фрикативному «г» это домработница, скорее всего с Украины.

— Алло, вы меня слышите?

— Слышу! Вам кого?

— Сергея Сергеевича можно?

— Можно, чего ж нельзя-то? Сергей Сергеич, вас!

— Я слушаю, — раздался в трубке голос отца. Он совсем не изменился.

У Тимура пересохло в горле.

— Алло, папа?

— Тимур? Ты? — голос отца вдруг охрип. — Тимка, ты?

— Да, папа, я.

— Ну наконец-то! Поумнел к сорока четырем? А я уж думал, только к сорока пяти... — засмеялся отец. — Ну, где ты, блудный и, видимо, блудливый сын? Где тебя носит? Приезжай! Хочу тебя видеть, скотина ты этакая...

У Тимура комок застрял в горле. Сладостное облегчение снизошло на него.

— Папа, как ты? Да, я приеду, прямо завтра... Если, конечно, достану билет...

— А ты где сейчас?

— В Париже, но я... я хочу в Москву! И на дачу!

— Немедленно заказывай билет! И сразу сообщи, когда прилетаешь, я встречу тебя!

— Зачем? Не стоит, я возьму такси и приеду на дачу!

— Нет, я тебя встречу. Скажи, а у меня... есть внуки?

— Чего нет, того нет, и снохи тоже нет.

— Ладно, поговорим об этом. Знаешь, у меня теперь есть камин. Ну все, заказывай билет! Жду тебя, сын!

Господи, все оказалось так просто! Камень с души. И голос отца звучит по-прежнему молодо...

— Леша, почему нам надо возвращаться? Рождество ведь!

— Но я же говорил — двадцать восьмого у мамы день рождения, я не могу не приехать. И потом — мы здесь уже неделю.

— Ну давай останемся на Новый год! Новый год в Париже — это круто! Ну Лешенька, ну пожалуйста... Павел ведь нас не гонит. Поменяем билеты и... А маме позвонишь. Она у тебя хорошая, поймет.

— Об этом не может быть и речи! Впрочем, если ты настаиваешь, оставайся.

— Одна? Без тебя?

— Ну да. Я, кажется, предупреждал... и билеты заказывал при тебе.

— Но я же не думала... что все так... так клево... так круто...

— Я же сказал, оставайся! Денег я тебе оставляю, — очень сухо произнес Алексей.

— Лешенька, ты золото! А ты не обидишься?

— Тебя это беспокоит?

— Ну, Лешка, не придирайся... Я первый раз в Париже... И Паша предлагает остаться...

— Хорошо. Оставайся! А я завтра лечу!

— Но мне же надо будет поменять билет.

— Меняй, в чем проблема? Скину на твой телефон все данные. Вперед!

— Ну вот, ты обиделся... неужели так сложно понять?

— Да все я понял!

— Ты, значит, маменькин сынок?

— Выходит так!

Как ни странно, билет нашелся. Кто-то отказался лететь! Неужели завтра я увижу отца? Все дурацкие обиды, недоразумения канули в Лету. Осталась только благодарность отцу за ту радость, которую он, похоже, испытал от моего звонка и даже, пожалуй, нежность... Надо купить отцу какой-то хороший подарок. Но что это может быть? Покупать какие-то вещи... Я даже не знаю, как он сейчас выглядит... Однако я помню, как он любит хороший сыр! Ре-

шено! И Тимур отправился в соответствующий магазин и купил несколько разных сортов сыра, попросив продавщицу упаковать их так, чтобы в самолете не распугать пассажиров запахом. В результате получилась внушительная коробка, впрочем, вполне элегантного вида.

Ночь перед отлетом Тимур почти не спал, волновался.

В дьюти-фри он купил отцу еще флакон нового модного одеколona. Кроме того, в чемодане, тщательно упакованная, лежала бутылка коллекционного коньяка.

Уже перед самой посадкой в самолет Тимур вдруг заметил того паренька, который так сиял рядом со своей девушкой и которому звонила русская мама. Но сейчас парень был хмур, а девушки не было видно. Поссорились? Впрочем, может быть, девушка была парижанкой, хоть и российского разлива?

Но в самолете они оказались соседями. Значит, девчонка должна была лететь на моем месте? Мне повезло, что она отказалась, а вот парнишке...

— Ой, извините, — на хорошем английском обратился к нему паренек, — я не мог видеть вас вчера в кафе на площади Согласия?